

УДК 001:165.4

ПРОБЛЕМА САМООПРОВЕРГАЕМОСТИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ?

Е. Л. ТЕРЁХИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследована возможность существования последовательного и философски перспективного релятивизма в первую очередь в контексте рассмотрения главного аргумента его оппонентов и критиков – обвинения в самоопровергаемости. Концепция радикального релятивизма интерпретируется как несоответствующая основаниям классической эпистемологии. Проведена историко-философская реконструкция традиции использования аргумента самоопровергаемости релятивизма. Выявлены три возможных для изучаемого феномена варианта избежать обвинений в самоопровергаемости: оставаться на уровне локального релятивизма, претендовать на статус метатеории, утверждать истину релятивизма как относительную. Показано, что эпистемологический релятивизм не может априори избежать обвинений в самоопровергаемости, хотя и является формой локального релятивизма, а основания для присуждения ему статуса метатеории не могут быть адекватно аргументированы. В то же время принятие программы обоснования относительной истинности релятивистской парадигмы открывает реальную перспективу преодоления самоопровергаемости релятивизма, по крайней мере в том его виде, который утвердился в классической эпистемологии, начиная с Платона.

Ключевые слова: релятивизм; радикальный релятивизм; эпистемологический релятивизм; глобальный релятивизм; локальный релятивизм; эпистемическое обоснование; самоопровергаемые утверждения.

Образец цитирования:

Терёхин Е.Л. Проблема самоопровергаемости: возможен ли последовательный релятивизм? *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;3:26–32.
EDN: NHFDLT

For citation:

Terekhin EL. The problem of self-refutation: is consistent relativism possible? *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;3:26–32. Russian.
EDN: NHFDLT

Автор:

Евгений Леонидович Терёхин – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков.

Author:

Evgeny L. Terekhin, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
centipede@yandex.by

THE PROBLEM OF SELF-REFUTATION:
IS CONSISTENT RELATIVISM POSSIBLE?E. L. TEREKHIN^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article explores the possibility of a consistent and philosophically promising relativism, primarily in the context of considering the main argument of its opponents and critics – accusations of self-refutation. The concept of radical relativism is interpreted as inconsistent with the basic foundations of classical epistemology. In the course of the study, a historical and philosophical reconstruction of the tradition of using the argument of self-refutation of relativism was carried out. Three possible options for relativism to avoid accusations of self-refutation are identified: to remain at the level of local relativism, to claim the status of a metatheory, to affirm the truth of relativism as relative. It is shown that epistemological relativism, being one of the forms of the so-called local relativism, still cannot a priori avoid accusations of self-refutation, and relativism's claims to the status of a metatheory cannot be adequately substantiated. The adoption of the program of substantiation of the relative truth of the relativistic paradigm opens up a real prospect of overcoming the argument of the self-refutation of relativism, at least in the form that has been established in classical epistemology since Plato.

Keywords: relativism; radical relativism; epistemological relativism; global relativism; local relativism; epistemic justifications; self-refuting statements.

Главный и наиболее часто повторяющийся аргумент, используемый критиками релятивистской парадигмы, – это обвинение в самоопровергаемости и непоследовательности. В настоящей статье показано то, как релятивизм может избежать подобных обвинений, оставаясь при этом философски адекватной и перспективной методологической концепцией.

В современном философском дискурсе тема релятивизма является весьма проблемной и острой. В зависимости от позиции автора релятивизм может оцениваться как «главная болезнь нашего времени, современного общества, его социальных и межличностных коммуникаций, массового сознания, в том числе философского и даже научного» [1, с. 29], которую можно и нужно лечить; как «концептуальное выражение релятивности знания, его историчности и динамизма» [2, с. 53], которое современной эпистемологии необходимо принять как данность; как отдельное мировоззрение, способное формировать собственные ценности, смыслы и установки, и уже поэтому интеллектуально привлекательное [3, р. 121, 126; 4, р. 68].

Чтобы конкретизировать область исследования рассматриваемого феномена, необходимо прежде всего провести различие между крайним и умеренным релятивизмом. Крайний, или радикальный, релятивизм абсолютизирует относительность любого знания или утверждения, отрицая при этом всякие возможные критерии, призванные обосновать их истинностный или операциональный статус. В данном случае проблема состоит в том, что так интерпретируют релятивизм прежде всего его радикальные критики. Р. Рорти писал: «Релятивизм – это точка зрения, согласно которой каждое убеждение по определенной или даже любой теме ничуть не хуже любого другого. Никто не придерживается такой точки зрения»¹ [5, р. 727]. Действительно, если бы

релятивист придерживался подобной позиции, то не смог бы делать осмысленные утверждения и говорил бы уже не об относительности, а об абсолютной безотносительности. Релятивизм превращается в своеобразный философский жупел для абсолютистов и универсалистов. Очевидно, что между утверждением об отсутствии *нейтральной* позиции выбора и оценки и утверждением об отсутствии *всякой* позиции существует огромная разница, которую критики релятивизма предпочитают не замечать. По этой причине исследователям феномена релятивизма правильнее было бы говорить не о радикальном и умеренном релятивизме, а о весьма экзотической версии глобального релятивизма без границ, которая явно не доминирует в профессиональном философском сообществе, а также о программе эпистемологического релятивизма как вполне референтной и в определенном смысле методологически и социокультурно обоснованной философской концепции.

Релятивизм, как следует из самого термина (лат. *relatio* – отношение), означает прежде всего определенную степень относительности любого рассматриваемого феномена. Релятивизм – это, по сути, отказ от абсолютности и универсальности всякого утверждения и высказывания в пользу его относительности и контекстуальности. Легче всего представить релятивизм через два связанных между собой положения, которые в настоящей статье будут называться базовыми утверждениями (положениями) релятивизма. Релятивизм подразумевает, что некоторые или все ключевые аспекты жизненного мира человека (истина, знание, справедливость, реальность, ценности, нормы и др.) устанавливаются относительно того или иного контекста (точки зрения, культуры, исторической эпохи и др.) и что нейтральной позиции для сравнения и оценки таких

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. Т.

аспектов за пределами соответствующего контекста не существует. Кроме того, чтобы концепция считалась релятивистской, она должна быть проблемной, дискуссионной. Просто указания на релятивные отношения между объектами недостаточно. Действительно, вряд ли кто-то посчитает философски интересным и провоцирующим на дискуссию тот факт, что юридическая оценка действия как неправомерного относится к законодательству конкретной страны. Чтобы оставаться философски значимым, релятивизм не должен тривиализироваться до указания на очевидные зависимости.

В соответствии со сферой применения релятивизм приобретает различные формы: моральный релятивизм, например, утверждает относительность этических законов, эпистемологический – эпистемических норм. Кроме того, в зависимости от области релятивизации он может существовать в таких формах, как культурный релятивизм, субъективистский релятивизм и историцистский релятивизм². Здесь важно отметить разделение на глобальный и локальный релятивизм: первый часто описывается расхожей фразой «все относительно», а второй выражается в вышеприведенных формах.

Особый интерес представляет анализ феномена эпистемологического релятивизма. Финский философ А. Хаутамяки так определял сферу эпистемологического релятивизма: «Эпистемологический релятивизм – это обширная область исследований относительности истины, знания, реальности и рациональности» [6, р. 9]. Эпистемологический релятивизм рассматривает эпистемические обоснования, на базе которых высказывания получают статус относительно истинного знания. Поскольку разделение на знание и мнение тесно переплетено с разграничением истинного и ложного знания, эпистемологический релятивизм также занимается проблемой относительности истины. А так как всякий предметный разговор подразумевает использование высказываний, претендующих на истинность, то эпистемологический релятивизм во многом пересекается с другими формами релятивизма.

Необходимо прояснить, что понимается под самопроверяемостью и самопроверяемыми утверждениями. Самым известным примером самопроверяемости считается так называемый парадокс лжеца, приписываемый Евбулиду из Милета: «Человек говорит, что он лжет (в момент высказывания. – Е. Т.). То, что он говорит, – истина или ложь?»³. Если это истина, то получается, что он действительно лжет, но в таком случае его высказывание не может быть истиной. Если это ложь, значит, он говорит правду, а его утверждение не может быть ложью. Более очевидным примером самопроверяемого утверждения является следующий: каждое предложение

состоит из трех слов. Таким образом, под самопроверяемым утверждением понимается то утверждение, смысл которого противоречит высказываемому. Соответственно, когда говорится об обвинении релятивизма в самопроверяемости, имеется в виду, что базовые утверждения этого принципа внутренне противоречивы и непоследовательны.

Традиционно считается, что первым релятивистским утверждением в истории философии является знаменитая фраза Протагора: «Мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют» [7, с. 203]. Если индивидуальный человеческий опыт есть мера вещей, это значит, что не существует универсальной объективной истины, как и не может быть нейтральных критериев для сравнения такого индивидуального опыта. Данная позиция, очевидно, релятивистская.

В сократическом диалоге «Теэтет» Платон формулировал исторически первую и наиболее устойчивую из всех позиций критики релятивизма – обвинение в непоследовательности и самопроверяемости. Если придерживаться утверждения Протагора, то люди одновременно умны, как боги, и глупы, как свиньи, никто из них не ошибается и при этом среди них не существует экспертов ни в одном деле. Если тезис Протагора о личной правоте каждого истинен, значит, тот, кто утверждает, что высказывание древнегреческого философа ложно, также прав. И в таком случае тезис Протагора одновременно ложный и истинный, что является абсурдным. Похожим образом Аристотель в сборнике «Метафизика» использовал закон непротиворечия как аргумент против тезиса Протагора: утверждение не может быть одновременно истинным и ложным.

Секст Эмпирик в сочинении «Против логиков» также обратился к тезису Протагора. Он отдавал ему должное, указывая на то, что человеческие существа судят о мире с точки зрения человеческих существ, дети видят окружающее в детской перспективе, а безумцы ограничены своим безумием. Для здорового человека было бы ошибкой отрицать точку зрения безумца, для взрослого – взгляды ребенка только потому, что они смотрят на мир, находясь в других обстоятельствах. Однако, по мнению Секста Эмпирика, все это не делает тезис Протагора истинным, так как он остается самопроверяемым [8, с. 72–73, 138–139]. Будучи пирроновским скептиком, Секст Эмпирик отвергал тезис Протагора о человеке как мере всех вещей, но его причины отличались от таковых у Платона и Аристотеля: человек, на его взгляд, вообще не способен судить об истинной природе вещей, а значит, категории истинности и ложности не имеют смысла.

С точки зрения подобной критики релятивизм либо противоречит сам себе, либо вынужден прибегать к абсолютистским утверждениям, чтобы защи-

²Kusch M. Introduction: a primer on relativism // The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism / ed. M. Kusch. New York : Routledge, 2020. P. 1–7.

³Hales S. Self-refutation // Ibid. P. 283–291.

тить себя, и таким образом распадается логически и концептуально. Х. Сигель в современной реконструкции платоновского аргумента против релятивизма разделяет его на два связанных между собой утверждения: релятивизм уничтожает саму идею истины, т. е. если релятивизм прав, то ничто не истинно, включая сам релятивизм; если релятивизм прав, то, в соответствии с самой идеей релятивизма относительно некоторых других эпистемических норм, он должен быть и ложным [9, р. 226–228].

Что на подобную критику может ответить релятивист? Один из самых очевидных способов избежать обвинений в самоопровергаемости – это оставаться на уровне локального релятивизма⁴. Например, если моральный релятивист указывает на то, что этические нормы устанавливаются относительно национальной культуры и (или) исторической эпохи, данное утверждение очевидно не является внутренне противоречивым, так как оно не этическое, а метаэтическое. Высказывание морального релятивиста не считается моральным, оно есть высказывание о морали. Иными словами, содержание такого утверждения и устанавливаемое им правило о том, что этические нормы являются относительными, не могут быть применимы к самому моральному релятивизму, который не является этической нормой, и, соответственно, не ограничивают его. Чтобы обвинить моральный релятивизм в самоопровергаемости и внутренней непоследовательности, необходимо сперва доказать, что его метаэтические высказывания считаются моральными, а это как минимум неочевидно.

Однако если определять эпистемологический релятивизм как релятивизм об относительности эпистемических обоснований, то он касается всех высказываний, которые претендуют на роль знания. И если говорить о том, что те нормы, правила, законы и конвенции, которые прямо и косвенно придают высказыванию статус знания и утверждают его истинность, относительны, то это затрагивает и релятивистское положение об относительности эпистемических обоснований. Таким образом, упрек в самоопровергаемости вполне может быть адресован эпистемологическому релятивизму. Действительно, высказывание эпистемологического релятивиста об относительности эпистемических обоснований очевидно претендует на статус знания, а значит, делает утверждение и о собственной природе. Из-за подобной самореференции эпистемологический релятивизм, хоть и избегает редукции до глобального релятивизма, в соответствии с которым все относительно, но остается удобной мишенью для обвинений в самоопровергаемости и непоследовательности.

Аналогично ситуации с эпистемологическим релятивизмом будет весьма проблематично сформулировать утверждение алетического релятивизма (релятивизма об истине) как априори не попадающее

под обвинение в самоопровергаемости. Независимо от того, будет ли рассматриваться эпистемологический релятивизм широко или разделится на фракции по разным видам (алетический релятивизм, релятивизм о рациональности, концептуальный релятивизм и др.), вряд ли удастся сформулировать настолько локальное релятивистское положение, чтобы избежать обвинения в самоопровергаемости только за счет коррекции формулировки.

Здесь нужно отметить, что эпистемологический релятивизм в каком-то смысле все же может попытаться избежать самореференций, а значит, и априорных обвинений в самоопровергаемости. Для этого он должен быть не только локальным, но и так называемым слабым релятивизмом. В данном случае его базовое утверждение может формулироваться следующим образом: некоторые эпистемические обоснования относительны, или эпистемические обоснования некоторых утверждений относительны. Такой релятивизм либо исключает собственные эпистемические обоснования из содержания своего высказывания, либо вносит свое базовое утверждение в список утверждений-исключений. Однако здесь сразу же возникают две серьезные проблемы. Во-первых, релятивист в данном случае должен предоставить адекватный и обоснованный критерий, на базе которого он выделяет некоторые эпистемические обоснования и (или) утверждения как попадающие под позицию его высказывания. Во-вторых, он должен доказать, что его собственное утверждение к такому не относится. Причем все высказывания, которые «слабый эпистемологический релятивист» будет использовать для обоснования своей позиции, также должны будут соответствовать двум вышеупомянутым задачам. Бегство от самореференции в таком случае превращается в бесконечный «бег по петле» обоснований своих предыдущих аргументов. И даже если подобной «петли» удастся избежать, появляется высокий риск тривиализации релятивистской позиции, потери ее философской значимости.

Весьма наивным, но все-таки важным для упоминания будет утверждение глобального релятивизма как универсальной концепции метауровня: все относительно, кроме этого высказывания. Вопрос самоопровергаемости в таком случае действительно не ставится, однако и сам релятивизм оказывается вне всякого адекватного дискурса, поскольку концепции, априори утверждающие свое превосходство над всеми остальным, отвергают обоснования и доказательства.

Таким образом, для того чтобы избежать обвинения в самоопровергаемости, релятивист должен остановиться на следующем положении: истина релятивизма является относительной истиной так же, как относительны эпистемические обоснования, лежащие в основе эпистемологического релятивизма.

⁴Hales S. Self-refutation // The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism / ed. M. Kusch. New York : Routledge, 2020. P. 283–291.

Утверждение о том, что относительная истина по своей сути не есть истина в полном смысле слова, безусловно абсолютистское. Поскольку релятивист как раз конструирует и защищает парадигму, принципиально отличную от абсолютизма, то требование соответствия релятивистских установок абсолютистским абсурдно. Как Земля в гелиоцентрической системе не может быть центром Солнечной системы в соответствии с самой идеей гелиоцентризма, так и истина в релятивистской парадигме не может являться абсолютной. Релятивистское утверждение становится самоотрицанием только в том случае, если начинает претендовать на статус абсолютной истины, однако само представление о подобной истине для релятивиста бессмысленно. И наоборот, утверждение того, что за пределами релятивистских установок релятивизм перестает быть истинным, только усиливает позицию релятивизма, так как демонстрирует как раз ту альтернативу, существование которой напрямую выводится из базового положения релятивизма. Действительно, релятивизм, как одна из возможных версий антиреализма наряду с конструктивизмом, отказывается рассматривать истину согласно Платону в качестве самостоятельной онтологической сущности. Истина – феномен лингвистический, языковой. «Истина создается, а не открывается» [10, с. 22]. Релятивист никогда не подразумевает под истиной некую объективно и независимо существующую субстанциональную истину *per se*, он выдвигает идею об истине, проявляющую себя через совокупность некоторых конвенций на общественном уровне и выступающую как референтное соответствие опыту на субъективно-личном уровне.

Говоря о релятивистской позиции как об относительно истинной, релятивист избегает обвинений в самопровергаемости, при этом не превращая релятивизм в тривиальность. Однако далее релятивист сталкивается с новым обвинением: концепция относительной истины подрывает авторитет разума, нанося ущерб жизненному миру человека, в том числе на прагматическом и коммуникативном уровне. Если получение знаний не приближает нас к универсальной и общезначимой объективной истине, то всякая деятельность по добыванию и сохранению знаний (в первую очередь наука) становится бессмысленной. В повседневной жизни человек, лишенный твердой почвы устойчивых истин (он задается вопросами: «Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях?» [11, с. 729]), испытывает экзистенциальную растерянность и лишается возможности проецировать себя в будущее. В ситуации «победившего» релятивизма диалог становится невозможным, ведь каждый ограничен собственной истиной и заперт в концептуальном каркасе [12, с. 4]. Даже если концепция релятивизма не является внутренне противоречивой, не следует ли ее элиминировать уже только потому, что она вредна и опасна?

И хотя, строго говоря, этот упрек не считается прямым продолжением тезиса о самопровергае-

мости релятивизма, сам тон обвинения вынуждает автора данной статьи вернуться к приведенному в самом начале работы разделению на жупел радикального релятивизма и на релятивизм как действительно существующую и функционирующую философскую концепцию.

Релятивизм, в отличие от скептицизма и эпистемологического нигилизма, не обесценивает и не обесценивает концепцию истины и категорию знания, но ограничивает их, настаивая на ситуативно-конкретной их интерпретации. И именно благодаря этому релятивизм без использования метафизических допущений и умножения сущностей объясняет как исторический динамизм научного знания, так и ситуацию, при которой несовместимые между собой и даже противоречащие друг другу концепции могут обладать высоким объяснительным потенциалом и практической применимостью. Например, геоцентрическая и гелиоцентрическая системы во многих случаях позволяют предсказывать движение планет и созвездий с одинаковой и довольно высокой точностью, при этом современная космология вообще не принимает идею центра, так как это, по сути, абстракция [13, р. 81–83]. С точки зрения релятивиста, здесь нет противоречия, абсолютист же вынужден либо признать свою неправоту, либо отвернуться от современной науки, которая не стремится к абсолютам.

Из положений релятивизма никак не следуют отрицание норм и критериев научной деятельности или попытки их отменить. Указание на то, что подобные категории создаются академическим сообществом и что каждое исследование является теоретически нагруженным (т. е. существует в рамках некоторой теоретической модели, а значит, и методы исследования, и его результаты соотносятся с этой теоретической моделью), никак не подрывает авторитет науки и не обесценивает научное знание. Скорее наоборот, концепция относительности знания позволяет провести более четкую демаркационную линию между научным и ненаучным знанием, не обесценивая при этом альтернативные эпистемические практики и ограждая науку от парадоксальных попыток заниматься принципиально ненаучными вопросами.

Обвинение же релятивизма в разрушении «жизнеутверждающих смыслов» не просто абсурдно, но и весьма опасно [1, с. 36]. Как отмечал американский эпистемолог Дж. Мейланд, из этого следует довольно тревожное предположение о том, что смыслом могут обладать только абсолютистские и претендующие на объективность высказывания. Но в таком случае человечество оставляет себя без литературы, музыки, искусства, поэзии и значительной части философии – всего того, что зачастую и делает нашу жизнь осмысленной и значимой [3, р. 126].

Действительно, идея о том, что смыслы человеческих миров являются универсальными и объек-

тивными, противоречит как взглядам современных антропологов («Человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов» [14, с. 14]), так и ряду философских подходов («Все, что имеет ценность в нынешнем мире, имеет ее не само по себе, не по своей природе – в природе нет никаких ценностей, – но оттого, что ему однажды придали ценность, подарили ее, и этими деятелями и дарителями были мы! Только мы и создали мир, до которого есть какое-то дело человеку!» [11, с. 781]).

Необходимо еще раз подчеркнуть: указание на относительность норм, категорий, ценностей и смыслов не говорит об их произвольности, а утверждение об отсутствии нейтральной позиции для оценки и сравнения никак не отменяет возможность этих оценки и сравнения, но с пониманием того, что последние всегда будут соотноситься с персональной диспозицией и теми общественными конвенциями, которые люди разделяют (осознанно или неосознанно). Такая позиция взывает вовсе не к хаосу и растерянности, а к пониманию той ответственности, которую человек несет за ценностно-смысловое наполнение мира.

Академик В. А. Лекторский уделял отдельное внимание несовершенству релятивизма с точки зрения предположительно вызываемого им (релятивизмом) разрыва в межличностной и культурной коммуникации. В числе прочего он отмечал, что толерантность неверно определяют как одну из «добродетелей релятивизма» [15, с. 25]. В данном случае В. А. Лекторский прав: требование толерантности действительно не следует из релятивистской установки. Невозможность нейтральной позиции не означает автоматического уважения альтернативы, но как минимум может снизить пафос обесценивания последней указанием на относительность критериев такой оценки.

Если же говорить о том, что релятивизм якобы приводит к ситуации, когда закрытость концептуальных каркасов уничтожает возможность дискуссии и значимой коммуникации, то здесь нужно отметить следующее. Когда релятивист указывает на ограниченность и конечность своего словаря [10, с. 102–103], речь идет не о полной герметичности, а скорее об отрицании возможности полного понимания, абсолютного вхождения в иной контекст и другую культурную и языковую среду. В итоге, как отмечал известный семиотик Ю. М. Лотман, «если увидеть в адекватности передачи сообщения основной критерий оценки эффективности семиотических систем, то придется признать, что все естественно возникшие языковые структуры устроены в достаточной мере плохо» [16, с. 13]. Для того чтобы сообщение было воспринято с абсолютной идентичностью, необходим ряд практически невыполнимых условий: единство языкового опыта, тождественность памяти, «единство представлений о норме, языковой референции и прагматике». «Если добавить влияние культурной традиции (семиотической памяти культуры) и неизбежную индивиду-

альность, с которой эта традиция раскрывается тому или иному члену коллектива, то станет очевидно, что совпадение кодов передающего и принимающего в реальности возможно лишь в некоторой *весьма относительной степени* (курсив наш. – Е. Т.)» [16, с. 14].

Именно различие картин мира, концептуальных каркасов и опыта делает коммуникацию и диалог с *Другим* (принципиально *Другим*) необходимыми. Целью коммуникации является не передача информации, а познание *Другого* и познание себя в контакте с *Другим*. В коммуникации не решаются исключительно эпистемологические задачи. Даже если в общении мы собираемся приобрести знание о *Другом*, то никакое объективное и абсолютное знание тут невозможно. Наоборот, именно релятивистский «зазор» наших контекстов делает общение интересным и нужным. Даже если люди познают не друг друга, а какую-то реальность, то и в этом случае именно относительность их точек зрения позволяет рассмотреть предмет под разными углами зрения.

Все вышеупомянутое в ответ на обвинения релятивизма в разрушительном воздействии на человека и общество было сказано исходя из той методологической установки, согласно которой перспективная философская концепция должна не только удовлетворять требованиям логической состоятельности и когнитивной референтности, но и соответствовать ценностно-смысловым установкам и императивам общественного дискурса.

Таким образом, релятивизм представляет собой адекватную методологическую концепцию, имеющую мало общего с тем образом хаотичного отрицания любых рамок и ограничений, который зачастую рисуют его критики. Указывая на относительность основных аспектов жизненного мира человека и невозможность нейтральной позиции для их оценки, релятивизм не становится формой крайнего скептицизма или нигилизма. Обладая достаточно высоким объяснительным потенциалом, релятивизм нередко адекватно отражает динамику культурных и общественных ценностей, научного знания и этических норм, будучи при этом способным претендовать на роль не только методологической, но и мировоззренческой установки.

Современная философия и эпистемология достаточно убедительно подтверждает тезис о том, что в рамках релятивистской парадигмы проблема самопроверяемости базовых утверждений не только эпистемологического, но и глобального релятивизма может находить свое вполне рациональное разрешение. Для этого в полном соответствии со своими эпистемическими установками они не должны претендовать на статус абсолютной истины тех методологических и мировоззренческих установок, которые обосновывают относительность, конвенциональность и контекстуальность многих феноменов современной науки, культуры и социальной практики.

Библиографические ссылки

1. Дубровский ДИ. Многоликий «релятивизм» (о необходимости его концептуального истолкования в общефилософском плане). В: Лекторский ВА, редактор. *Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ*. Москва: ИФ РАН; 2012. с. 29–40.
2. Микешина ЛА. Релятивизм как эпистемологическая проблема. *Эпистемология и философия науки*. 2004;1(1):53–63.
3. Meiland JW. On the paradox of cognitive relativism. *Metaphilosophy*. 1980;11(2):115–126. DOI: 10.1111/j.1467-9973.1980.tb00100.x.
4. Meiland JW. Is Protagorean relativism self-refuting. *Grazer Philosophische Studien*. 1979;9(1):51–68. DOI: 10.5840/gps197994.
5. Rorty R. Pragmatism, relativism, and irrationalism. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1980;53(6):717–738.
6. Hautamäki A. *Viewpoint relativism. A new approach to epistemological relativism based on the concept of points of view*. Mamane M, translator. Cham: Springer; 2020. 210 p. DOI: 10.1007/978-3-030-34595-2.
7. Платон. *Собрание сочинений. Том 2*. Лосев АФ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, переводчики; Лосев АФ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, редакторы. Москва: Мысль; 1993. Теэтет; с. 192–274.
8. Секст Эмпирик. *Сочинения. Том 1*. Лосев АФ, переводчик-редактор. Москва: Мысль; 1975. Две книги против логиков; с. 61–243.
9. Siegel H. Relativism, truth, and incoherence. *Synthese*. 1986;68(2):225–259.
10. Рорти Р. *Случайность, ирония и солидарность*. Хестанова ИВ, Хестанов РЗ, переводчики. Москва: Русское феноменологическое общество; 1996. 282 с.
11. Ницше Ф. *Утренняя заря. Предварительные работы и дополнения к «Утренней заре»*. Топоров В, Коренева М, Степанов С, переводчики. Москва: АСТ; 2008. Веселая наука; с. 605–910. Совместно с издательством «Харвест».
12. Лекторский ВА. Предисловие. В: Лекторский ВА, редактор. *Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ*. Москва: ИФ РАН; 2012. с. 2–4.
13. Goodman N. «Just the Facts, Ma’am!». In: Krausz M, editor. *Relativism. A Contemporary Anthology*. New York: Columbia University Press; 2010. p. 80–85.
14. Гирц К. *Интерпретация культур*. Барсукова ОВ, Борзунов АА, Дашевский ГМ, Лазарева ЕМ и др., переводчики. Москва: РОССПЭН; 2004. 560 с.
15. Лекторский ВА. Релятивизм, плюрализм и диалог. В: Лекторский ВА, редактор. *Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ*. Москва: ИФ РАН; 2012. с. 5–29.
16. Лотман ЮМ. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва: Языки русской культуры; 1996. 464 с.

References

1. Dubrovskii DI. [Many-faced «relativism» (on the need for its conceptual interpretation in the general philosophical plan)]. In: Lektorskii VA, editor. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskii analiz* [Relativism, pluralism, criticism: an epistemological analysis]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2012. p. 29–40. Russian.
2. Mikeshina LA. [Relativism as an epistemological problem]. *Epistemology and philosophy of science*. 2004;1(1):53–63. Russian.
3. Meiland JW. On the paradox of cognitive relativism. *Metaphilosophy*. 1980;11(2):115–126. DOI: 10.1111/j.1467-9973.1980.tb00100.x.
4. Meiland JW. Is Protagorean relativism self-refuting. *Grazer Philosophische Studien*. 1979;9(1):51–68. DOI: 10.5840/gps197994.
5. Rorty R. Pragmatism, relativism, and irrationalism. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1980;53(6):717–738.
6. Hautamäki A. *Viewpoint relativism. A new approach to epistemological relativism based on the concept of points of view*. Mamane M, translator. Cham: Springer; 2020. 210 p. DOI: 10.1007/978-3-030-34595-2.
7. Plato. *Sobranie sochinenii. Tom 2* [Collected works. Volume 2]. Losev AF, Asmus VF, Takho-Godi AA, translators; Losev AF, Asmus VF, Takho-Godi AA, editors. Moscow: Mysl'; 1993. [Theaetetus]; p. 192–274. Russian.
8. Sextus Empiricus. *Sochineniya. Tom 1* [Works. Volume 1]. Losev AF, translator-editor. Moscow: Mysl'; 1975. [Two books against logicians]; p. 61–243. Russian.
9. Siegel H. Relativism, truth, and incoherence. *Synthese*. 1986;68(2):225–259.
10. Rorty R. *Sluchainost', ironiya i solidarnost'* [Contingency, irony, and solidarity]. Khestanova IV, Khestanov RZ, translators. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo; 1996. 282 p. Russian.
11. Nietzsche F. [Dawn. Preliminary works and additions to «Morning Dawn»]. Toporov V, Koreneva M, Stepanov S, translators. Moscow: AST; 2008. [Cheerful Science]; p. 605–910. Co-published by the «Kharvest». Russian.
12. Lektorskii VA. [Preface]. In: Lektorskii VA, editor. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskii analiz* [Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2012. p. 2–4. Russian.
13. Goodman N. «Just the Facts, Ma’am!». In: Krausz M, editor. *Relativism. A Contemporary Anthology*. New York: Columbia University Press; 2010. p. 80–85.
14. Geertz C. *Interpretatsiya kul'tur* [The interpretation of cultures]. Barsukova OV, Borzunov AA, Dashevskii GM, Lazareva EM, et al., translators. Moscow: ROSSPEN; 2004. 560 p. Russian.
15. Lektorskii VA. [Relativism, pluralism and dialogue]. In: Lektorskii VA, editor. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskii analiz* [Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2012. p. 5–29. Russian.
16. Lotman YuM. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 464 p. Russian.